Брелок

– Так вы будете оплачивать товар? – кривится лицо кассирши.

Грустно и немножко нервно множится очередь. Угреватая тётя за кассой брезгливо отклоняется. На раскрасневшемся нездоровом лице – презрение, отвращение, нетерпение, злость: «Господи, почему вечно на моей кассе ЭТО…»

– Задерживаете! – нескрываемая тошнота.

Худющая бабуля грязными пальцами в дырявых митенках перебирает копеечки. Причмокивает и показывает важной кассирше каждую денежку.

– Это у вас всё копейки, – бесится лицо за кассой. – А нужно 35 рублей!

И несчастная покупательница снова ползёт дрожащей суетливой рукой в пакетик с пошарпанной мелочью.

Бабка выглядит жутко. И пахнет жутко. Низенькая, сутулая, на голове – самодельная шапка из нескольких «магнитовских» пакетов. Серый свитер с длинными болтающими рукавами свисает, как тряпка на пугале. Сверху натянуты рваные детские куртяшки в задорный орнамент и коричневая шубейка. Всё это имущество подпоясано скакалкой без наконечников. На ногах – вязаные узорчатые носки, такие же яркие, как северное сияние, да резиновые калоши, такие же серые и дырявые, как бабкина бомжовская жизнь. Логически завершает наряд пупырчатая плёнка, которой вкривь-вкось обмотаны колени, и нелепый брелок-медвежонок, прицепленный сбоку на эту самую пленку.

– У вас здесь тридцать четыре шестьдесят. Надо ещё сорок копеек, – выдыхает кассирша на пределе своего терпения.

Бабка копошится. Очередь волнуется. Коробка кефира на ленте бледнеет от того, что сто́ит так дорого для нищенки. Я молчу и мысленно

проклинаю себя: «Запусти руку в карман и достань пятак. Просто – руку в карман. Там пятак. Достань его и выложи этой чертовой кассирше за этот чертов кефир».

Но руки не слушаются. Они приросли к ручке коляски, в которой я выгуливаю своего новорожденного сына, ноги вмонтировались в блестящую плиточку спаровского пола, взгляд умер на маленьком аксессуаре нищей бабки. Игрушечный мишка-брелок обивает лапками в такт подергиваниям своей хозяйки: раз-два, раз-два. И больше ничего. Ниче-го. Только брелок-медвежонок и ненависть ко времени, в котором мы живём.

Скупердяй

Что характерно, бывают у меня закидоны. Захожу, значит, в магазин бытовой химии «Черный кот», хватаю нужный товар – и к кассе. Покупка выходит на 100 рублей и 50 копеек. Даю кассиру купюру в сто рублей и железный рубль. Ну не было у меня с собой «писяткопеек»!

Кассирша выдает мне десятикопеечную монетку сдачи и спокойно, я бы даже сказала – привычно, произносит: «Сорок копеек за мной будут!»

Обычно в такой ситуации я бы сказала: «ок» и отправилась восвояси. Но сегодня звёзды сошлись иначе – заклинило бабу Нюру. Я сделала удивленную мосю, зыркнула на тётку и заунывно протянула: «В смы-ы-ысле за ва-ами?»

Кассирша от неожиданности так и села: «Сдачи нет у меня, потом верну копейки!».

Округлила я глаза пуще прежнего (и так голову на бок слегка): «А может, я сюда вообще больше не зайду, как вы мне ДОЛГ (главное, быть серьезным) вернёте?»

Она: «Э-э… ну, может зайдёте уж как-нибудь…»

Я: «Ага. И как я докажу, что мне тут деньги должны? Вы меня вспомните?»

Кассирша: «Да уж я вас не забуду!»

Я: «А если не вы будете на кассе?»

Очередь растёт. Покупатели выглядывают из-за спин: «А что? Что случилось-то?» Кассирша молчит, краснеет и проклинает меня (мысленно, конечно).

Я воодушевляюсь, подогреваемая собственным идиотизмом: «А может, вы мне расписку напишете, что должны 40 копеек?»

Кассирша ерепенится, взбешённая моим скупердяйством: «Вам что, без этих копеек вообще не прожить?!»

Я: «А почему я должна отдавать свои кровно заработанные сорок копеек каким-то зажравшимся капиталистам, продающим товары втридорога?» (читайте – а вдруг мне их потом на пиво не хватит).

Кассирша злится. Очередь хихикает. Я тупо не знаю, что на меня нашло.

Минуту спустя взбешённая торговка кидает рубль на блюдце: «Заберите! Должны будете писяткопеек! Не забудьте занести!»

Я аккуратно складываю монету в кошель (надо было поцеловать и в тряпочку завернуть) и надменным менторским тоном произношу: «Вот и славненько! Покупатель, уважаемая, всегда прав! Писяткопеек завтра занесу».

И уже немного отойдя от кассы, оборачиваюсь и добавляю: «Расписку-то написать?»

Очередь валялась.

Цветы здесь не растут

Скрюченная, еле волочащая ноги, бабка опиралась на клюку, слегка заваливалась на бок и невероятным усилием подвигала верхнюю часть туловища вперёд, сильным рывком подтягивала свой дряхлый корпус и только потом, практически всем телом «сделав шаг», подволакивала ногу, давно ставшую мешающим отростком, – так старушенция выходила из нашего подъезда.

Мне нравилось наблюдать за ней: воровски, боковым зрением, как тайно косятся обычно на людей с физическими недостатками. Бабка протаскивалась сто метров к «садику» – среди реденьких берёзок был организован участок, огороженный досками из всяческого хлама. Менял ли кто балкон, делал окно, чинил стул или избавлялся от старого дивана – весь скарб, оказавшийся на помойке, бог знает каким образом был притащен бабкой на этот «островок».

Всю весну с утра пораньше бабулька дотаскивала сюда свои старые чресла и начинала копошиться. Стояла по щиколотки в тающем снегу и медленно, дрожащими руками вытаскивала рассаду – дохленькие растеньица желтовато-зеленого цвета – и впихивала их в лунки с только отошедшей, ещё насквозь холодной землёй.

Только по виду клумбы – большой шины в оранжевых и красных полосках, с большими белыми ромашками – можно было догадаться, что здесь, по бабкиным задумкам, будут цветы. Наверное, в этом болоте, среди грязи и нескончаемых строек, они действительно смотрелись бы жизнерадостно.

В другой раз бабулька притащила откуда-то пень. Небольшой, дряхлый, аккуратно спиленный сверху и криво выкорчеванный снизу. У низенького заборчика, абы как сколоченного из подручного мусора (досками послужили даже старые лыжи), примостилась некогда детская коляска, а теперь – отличный бабкин помощник в благоустройстве.

День ото дня садик разрастался. Постепенно были заштопаны все дыры в заборе. На клумбе фигурно высадились растения, они покачивались из стороны в сторону, с трудом удерживаясь своими хиленькими корешками за скудную ледяную землю, пытаясь спастись от неминуемой гибели.

«Ну не растут в такой земле цветы! Зачем она посадила их так рано?» – каждый день, давясь жалостью, я проходила мимо.

Был апрель. Вокруг клумбы сюрреалистично порхали палки-бабочки. На берёзе сидела ворона, растопырив неровные тканевые крылья и упираясь своим искусственным боком в пластиковую бутылку-скворечник. Тут и там размещались мягкие игрушки. Плюшевый зверь, в котором смутно угадывался некогда ярко-голубой медведь, подмигивал одним глазом старой каталке-лошади, такой же горбатой и дряблой, как и сам человек, водрузивший всё это барахло в самое неестественное для него место.

«Плюшкин рай какой-то», – волновалась я.

А бабка спешила. Часто вскидывала голову, горбилась и сколачивала свой нелепый заборчик: усердно, тщательно подбирая высоту, приставляла досочки и колотила, колотила…

К концу весны её «садик» был готов, не скажу, что он вызывал чувство прекрасного, скорее был смешон, но – парадоксально! – в нём ощущалась некая завершённость. Покачивался кривенький низенький заборчик, ворона обнимала тканевыми крыльями своих вязаных воронят, возле медведя с лошадью «прыгала» белка с ободранным хвостом. К клумбе присоседился большой керамический горшок, и в нём, как и в клумбе, зеленела реденькая травка. Цветы чуть подросли, но больше половины из них, как и ожидалось, не выстояли наш северный май, да и остальные были невысокими и хиленькими – тонюсенькие желтоватые ножки и никакого намёка на соцветия.

А потом бабка пропала.

Скажу честно, мне вдруг стало очевидно, что она уже в иных мирах, поэтому, разглядывая кривые старухины ромашки на клумбе, я пару раз обронила слезу. Почти месяц я смотрела на умирающий садик, охала, вспоминая трудолюбивую скрюченную бабусю, с которой ни разу и словом-то не обмолвилась. Зверей обгаживали кошки, нескончаемый ветер беспощадно выпотрошил всех бабочек, клумбы зарастали лопухами и хвощем.

Меня стали посещать мысли застолбить за собой «участок» и продолжить, так сказать, бабкино дело. Я даже вообразила, что у меня это неплохо получится, представила, как буду разводить тюльпаны и анютины глазки, как вставлю пластиковые цветные заборчики из «Меги», подсыплю речного песку, приволоку большие камни…

Померло моё воображение однажды днём на бабкиных ягодицах, загораживающих клумбу. Вернулась моя старушка, живёхонькая и суетливая. Весь день она чистила свой огородик от сорняков, высвобождая из-под травы десятки мелких разноцветных цветочков, рассыпавшихся, точно полевые цветы, по всему участку.

Вот вам и померла бабка. Вот вам и «не растут здесь цветы».

Анорексичная муха

Я разглядывала её, стоя в очереди в супермаркете, – минут десять, не меньше. Она хихикала, заигрывала со своим дружком, кокетливо щурилась, ежеминутно откидывая назад тонюсенькие белёсые длинные пряди.

«Лет пятнадцать. Максимум шестнадцать», – я без стеснения (мне позволительно, я старая бабка) пялилась на неё, примеряя возраст. Девушка – такая утонченная, щупленькая, в коротких шортах и майке, ущербно висящих на костлявом теле, – в одной руке держала банку колы, в другой – руку юноши, такого же зеленого и болезненно худого, как она сама.

Они говорили совершенно по-детски: что-то о шмотках, школе, каникулах, крутых самокатах; она надула губки, когда он покритиковал её за «эти три дэ реснички хуже, чем два дэ»; обидевшись, она выдернула свою ручонку из его, но парень быстро нашёлся, обнял за талию: «Да ладно, Софух, через неделю новые сделаешь!»

«Софуха» оттаяла, взяла у кассы «сникерс» и глянцевый журнал, стала обмахиваться – «жа-а-арко». Всё её тело обдувалось искусствен-

но созданным ветерком. Анорексичное разрисованное тело. Совсем ещё юное и так несвоевременно… забитое татуировками.

Я не могла оторвать от них глаз. На рукавах – огромный цветной портрет женщины с выпуклой чёлкой, вокруг которого кружат бабочки. На пальцах нарисованы штрихи, на запястьях – браслеты. На шее татуировки птиц, летящих бок о бок, почти задевая друг друга крылами. На ногах – очень много всего: жук, уползающий под шорты, цветы, радуга, непонятные символы и знаки. На животе из-под коротенькой маечки выглядывают лапы и половина тельца огромной, густо прорисованной, волосатой мухи.

Издалека это тело – хаос, какофония, чешуя одного из Буэндиа. Присмотришься – сколько деталей, целое собрание рисунков детей всех возрастов…

Девушка хихикала, дёргалась, уворачивалась от поцелуйчиков друга и ни на кого не обращала внимания. Я разглядывала её минут десять, а думаю о ней до сих пор, хотя прошло уже несколько лет. Интересно, какая она теперь, эта анорексичная муха…